

Конфликт цивилизаций в Молдавской Церкви

Мы уже привыкли к резкому росту религиозного фактора в мировой политике. Мы привыкли к жестким противостояниям последних лет: в частности, не утихает и грозит разгореться с новой силой церковный раскол на Украине. Однако на карте православной ойкумены разгорается новый межцерковный конфликт – на этот раз территории Молдовы. 24 октября 2007 года Синод Румынской Православной Церкви заявил о создании в составе Румынской Патриархии семи новых епископатов. Три из них решено возродить на канонической территории Русской Православной Церкви.

Герб Бессарабской губернии

Речь идет о создании в рамках так называемой «Бессарабской митрополии» трех новых епископатов: Бельцкого, Южной Бессарабии, а также «епископата Дубоссар и всего Приднестровья».

Епископ Тираспольский и Дубоссарский Юстиниан назвал это решение «разбоем с большой дороги» и заявил в интервью агентству «Новый регион»: «Создание трех новых епископатов Румынской Церкви на территории Молдавии и Приднестровья является крестовым походом против Русской Православной Церкви и дестабилизирует внешнеполитическую обстановку во всей Европе». Таким образом, в очередной раз исключительно канонический спор, накладываясь на неразрешенный «замороженный конфликт», приобретает характер цивилизационного столкновения. На территории Молдовы столкнулись интересы Москвы и Бухареста, точнее – два геополитических проекта этих столиц. Этот скандал, как и церковный конфликт на Украине, возник не вчера и имеет свою давнюю историю.

Православие сформировало молдавскую самобытность

Сегодня во властной элите Молдовы, на всех парах стремящейся стать «интегральной частью европейской семьи народов», не особо принято вспоминать о том, что вся молдавская культура, система молдавских национальных ценностей, сам дух молдаван и их государственность в XIV веке сложились под воздействием Православия и Церкви как общественного института. Более того, Православие стало той живой нитью, которая на протяжении долгих веков связывала молдаван с восточными славянами. Предки молдаван – волохи – восприняли христианство от славян, и церковнославянский язык изначально стал языком древней Молдавской Церкви.

Современный герб республики Молдовы

После того как Церковь в 1401 году обрела статус митрополии, повысился ее престиж в молдавском обществе. Власть в Молдавском княжестве нуждалась в духовной санкции. Митрополит был вторым после господара лицом в

государстве, наставником, а иногда и духовным судьей правителя, причем нарушение властителем освященных Церковью нравственных норм оправдывало в глазах молдаван его свержение и даже убийство. Каждый господарь пытался заручиться поддержкой главы Церкви, либо продвинуть на этот пост свое доверенное лицо. Тем не менее, до второй половины XVI века Молдавская Церковь обладала определенной независимостью даже от светской власти.

Православие разъясняло положение Молдавии в мире и назначение человека в жизни, формируя у молдавского народа систему ценностей. Церковные иерархи были самыми образованными людьми в княжестве и в народе. Благодаря их заботам Церковь стала стержнем средневековой молдавской культуры. Построенные при первых господарях Нямецкий, Быстрицкий и Путнянский монастыри стали подлинными духовными центрами Молдавии: здесь трудились переписчики, а с XVII века – и переводчики богослужебных книг. В качестве церковной возникла и оригинальная литература Молдавии на славянском языке: по заказу господаря Александра Доброго в 1402 году Григорий Цамблак составил на церковнославянском языке «Житие Иоанна Нового».

Церковь положила начало и славяно-молдавскому летописанию, сыгравшему исключительную роль в утверждении молдавского национального самосознания и идентичности. Первыми молдавскими летописцами, чьи имена помнит история, были священнослужители – епископ Макарий, старец Каприянского монастыря Евфимий и монах Азарий. Несомненны заслуги Церкви и в распространении столь важного элемента молдавской национально-культурной идентичности, как кириллическая азбука: именно Церковь стараниями митрополита Варлаама осуществила в XVII веке перевод Священного Писания на молдавский язык и его издание.

Церковь стала инициатором образования в Молдавском княжестве: в 1639 году в Яссах, при поддержке митрополита Киевского Петра Могилы, была открыта первая молдавская школа – Славяно-греко-латинская академия. Под покровительством Церкви в Молдавии возникло книгопечатание: по просьбе господаря Василия Лупу митрополит Петр Могила и Львовское православное братство помогли основать при Ясском монастыре Трех Святителей первую в княжестве типографию. Впоследствии книгопечатание было возобновлено усилиями митрополита Досифея при содействии Москвы.

Консолидирующую функцию Православия усилило сопротивление Церкви мусульманским завоевателям: в церковных летописях прославляется антитурецкая борьба, а союзники мусульман – валахи – осуждаются как изменники и враги христианства. Молдаване осознавали себя не просто одним из христианских народов, но «охранным щитом», форпостом христианства на пути турок и татар. После падения в 1453 году Византийской империи, когда турки пытались ликвидировать монастыри Афона, лишив их доходов, господарь Штефан Великий, предоставляя в подворья Афону церкви Молдавии вместе с их землями, спас монастыри Святой горы от разорения. Согласно османским законам, налоговый иммунитет, полученный монастырями Афона, был распространен и на подчиненные им монастыри Молдавии. Тем самым в княжестве были созданы независимые от мусульман очаги развития православной культуры и экономики.

Одной из центральных в молдавском Православии была идея единения всех православных народов. Богослужение на церковнославянском языке сплачивало молдаван и русинов,

составлявших значительное число населения княжества. В грамотах канцелярии молдавских господарей упоминаются венгры, цыгане, армяне, греки, татары и саксы, но никогда правители не называли этническим именем ни молдаван, ни русских, не делая между ними совершенно никаких различий в правах, обязанностях и статусе. Даже в XIX веке у молдаван оставалось в ходу выражение «пэмынтень молдовень» («земляне молдавские»), распространявшееся на всех без исключения православных жителей Молдавского княжества, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Церковнославянский язык занимал одно из самых почетных мест в иерархии молдавских ценностей. Значительная часть молдаван владела им уже потому, что в раннюю эпоху 40 % его населения составляли русины – потомки жителей Древней Руси. Церковнославянский язык, близкий к их разговорной речи, был официальным языком Молдавского княжества. Но, будучи языком богослужбных книг, церковнославянский считался у молдаван священным языком. Через проповеди и духовную литературу молдаване заимствовали лексические формы языка. Двухязычие молдаван и единый богослужбный язык упрощали связи Молдавии с Галицкой Русью, Киевом и Москвой.

Именно в Православии следует искать истоки геополитической ориентации молдаван на Московскую Русь. Как отмечал в 1990-х годах румынский историк А. Болдур, «с церковной точки зрения расстояние от нас до Москвы или Белграда всегда было меньше, чем расстояние до Рима». Ученые-беженцы из балканских стран еще за полвека до знаменитой формулы псковского старца Филофея «Москва – Третий Рим» внесли в сознание молдаван идею, что после падения Царьграда миссию Византийской империи унаследовала Москва. Современные румынские националисты, устраивающие шумные бесчинства у памятнику Штефану Великому, вряд ли знают, что именно он первым принялся осуществлять проект объединения Молдавии с Россией. Он заключил брак с Евдокией из рода Рюриковичей, а затем выдал свою дочь Елену (известную в русской истории под именем Елены Волошанки) за сына Ивана III – Ивана Молодого. Внук Штефана, царевич Дмитрий, был провозглашен наследником московского престола, и если бы не обстоятельства, оба княжества были бы объединены под одним скипетром еще в начале XVI века.

Начиная с XVI века, идея присоединения к России легла в основу проекта молдавского национального спасения, и идеологами этого проекта выступили иерархи Молдавской Церкви. Важнейшие дипломатические миссии, направляемые господарями в Москву с просьбами о принятии Молдавии под скипетр московского царя, возглавляли митрополит Сучавский Гедеон (1656), игумен Феодор (1674), митрополит Досифей (1684). Последнему из них принадлежат слова: «Свет из Москвы идет к нам, сияя длинными лучами и добрым именем под солнцем». Ведущую роль в переговорах о присоединении Молдавии к России играли митрополиты Гедеон (1711), Никифор (1739) и Гавриил (1769–1774). В ноябре 1806 года, когда началась новая русско-турецкая война, митрополит Вениамин Костак в своем пастырском послании сформулировал цель молдаван в этой войне: «Истинное счастье сих земель заключается в их присоединении к России».

К сожалению, в 1812 году не удалось исполнить вековую мечту молдаван и присоединить к Российской империи всю Молдавию вплоть до Карпатских гор. Однако и присоединение одной только Бессарабии (объединенной в одно целое, вследствие упразднения турецких «рай» на севере и юге области) было встречено радостью и народными гуляниями, а молдаване Запрутской Молдавии проголосовали за присоединение ногами: за 1812–1817

годы население Бессарабии выросло почти вдвое, главным образом благодаря иммиграции из-за Прута. Можно лишь согласиться с мнением кишиневского историка Василия Стати: «Нравится кому-то или нет, но Россия в 1812 году освободила Пруто-Днестровскую Молдову от оттоманов, фанариотов и ногайских татар, объединила, восстановила и защитила Пруто-Днестровскую Молдову. Святейший Синод Русской Православной Церкви объединил все приходы молдавской духовной территории к востоку от Прута, воссоздав и укрепив Православную Церковь всей Молдовы, организационно восстановил, усовершенствовал и утвердил иерархические структуры Молдавской Православной Церкви, создавая митрополию Кишиневскую и Хотинскую. Чего нельзя сказать о Запрутской Молдове, оставшейся на произвол турок, фанариотов, австро-венгров, греческих церковников». Кишиневским митрополитом стал православный просветитель Гавриил Банулеску-Бодони, убежденный русофил и сторонник единства с Россией.

Истоки конфликта – секуляризм, европеизм и русофобия

1812 год – ключевой момент, с которого начинает свой отсчет история цивилизационного раскола молдавской элиты. Главная причина кризиса молдавской национально-духовной идентичности – утрата позиций Церкви среди молдавской интеллигенции под влиянием идей Французской революции 1789 года. Среди этой части молдавской элиты наступила эпоха духовного индифферентизма. Современный румынский историк Лучиан Бойя отмечает: «Пока главные исповедуемые ценности были православными, молдаване и валахи чувствовали себя дома в восточно-европейском пространстве. Однако когда на первый план выходит чувство национальной идентичности, они осознают себя “латинским островом в славянском море”. Русский перестает быть великим православным братом освободителем». Значительную роль в формировании антирусских настроений сыграли беглецы из тех областей Речи Посполитой, которые отошли к России в результате ее раздела. Активно действовала в распространении русофобии среди нарождавшейся румынской интеллигенции английская, французская и австрийская агентура. Однако вину за это несет и сам российский император Александр I, по сути дела предавший, во имя торжества «легитимизма», восставших в 1821 году православных греков и валахов.

Современный герб Румынии

Образованный слой Молдавии и Валахии, исполненный «передовых» идей, начинает ориентироваться на главного их распространителя – Францию. События 1821 года породили, по словам писателя Алеко Руссо, «дождь конституций и проектов общественного переустройства». В один из проектов реформ – «Каравунарскую конституцию» – под влиянием Французской революции было включено понятие «народного суверенитета». Вопреки древним нормам молдавского права, разделявшим население Молдавии на православных и иноверцев, «Каравунарский проект» приблизился к немецкому пониманию нации: отныне «землянином Молдавии» признавался только молдаванин по рождению.

«Передовые» европейские веяния породили у молдавского боярства еще более сильное, чем у русской и польской шляхты, отрицание традиционных культурно-духовных форм,

пренебрежительное отношение к истории собственного народа. Как утверждал автор одного из реформаторских проектов боярин Иордаке Росетти-Розновану, «прошлое Молдавии не представляет собой ничего интересного, ни одного события, достойного быть сохраненным в анналах нации». А мунтянин Титу Майореску, впоследствии министр образования Румынии, вообще называл древнюю молдавскую и валашскую культуру «восточным варварством». В числе традиционных ценностей, подлежащих переоценке, оказались нормы молдавского языка и молдавская графика. Идеология румынизма была выработана не в Молдавии и Валахии, а в австрийской провинции Трансильвания, где валахи жили на подчиненном положении.

Формирование Трансильванской школы лингвистов, как полагает Лучиан Бойя, было делом не самих валахов, а греко-католических интеллектуалов, получивших образование в Вене и Риме и одержимых идеей латинского происхождения валахов (хотя их прямыми потомками являются не римляне, а романизированные фракийцы и славяне). Топоним «Румыния» придумал в XVIII веке трансильванский немец Мартин Фельмер. В 80-е годы того же столетия трансильванские лингвисты Георге (Дьердь) Шинкай, Самуэль Кляйн и другие разработали грамматику языка, который они назвали румынским, а также другие учебники, которые были отпечатаны латинским шрифтом в Буде и Вене. Причем, что характерно, дело латинизации валашской письменности взяла на себя Католическая Церковь. Объединение с Ватиканом, как отмечает современный румынский историк Георге Платон, исключило часть трансильванских валахов из православной общности народов. Румынское национальное сознание с самого начала выкристаллизовывалось на путях отчуждения от Православия как носителя восточной культурной традиции и геополитической ориентации.

Румыния как государство возникла в 1859 году при активном содействии Англии и Франции, намеревавшихся создать «естественный барьер» на пути русской армии к Константинополю. Правительство Александра Иона Кузы объявило о подчинении Православной Церкви светским властям и секуляризации церковного имущества – изъятии церковной и монастырской собственности в пользу государства. Показателен откровенный вандализм, учиненный «разбойничьей» (как называли ее монахи) правительственной комиссией в древнем Нямецком монастыре. Эта комиссия отстранила настоятеля монастыря архимандрита Герасима от управления жизнью обители, опечатала канцелярию, архив, библиотеку с ценнейшими древними рукописями и манускриптами, не остановилась перед разграблением монастырского казнохранилища, ризницы, винных погребов и амбаров. По словам монахов, «турки оказались лучше христиан-комиссаров, вольтеррианцев, кальвинистов и лютеран, которые ограбили Нямецкий монастырь».

Однако пределом святотатства и произвола властей Румынии стало стремление посягнуть на вековые правила иноческой жизни. Правительство распорядилось о запрете служб на церковнославянском языке. Все богослужебные книги были изъяты, монастырская типография с кириллическим оборудованием уничтожена, запрещалось даже править службу в честь русских святых и вообще поминать их. Воспротивившихся такому святотатству монахов во главе с иеросхимонахом Андроником власти Румынии немедленно заклеямили как «русофилов». Именно после этого правительство России вернуло во владение Нямецкой лавры имения Кицканы и Копанка, где в январе 1864 года был основан Ново-Нямецкий Вознесенский монастырь – жемчужина Православия, находящаяся на территории Приднестровья.

В сознании молдаван окрепло представление о России как о хранительнице традиционных молдавских ценностей – языка, письменности и православной веры, оскверненной за Прутом «латинством». Классик молдавской литературы Алексей Матеевич, служивший во время Первой мировой войны полковым священником и умерший от тифа в лагере русских войск на фронте, писал: «Присоединение Бессарабии к России оказалось спасительным актом как для молдавского языка, так и для молдавского богослужения». Становятся понятными причины протеста священников Православной Церкви против оккупации и аннексии Бессарабии Румынией в 1918 году.

Сразу же после вступления румынских войск в край Кишиневская митрополия приняла самое активное участие в создании патриотического Комитета освобождения Бессарабии. Оккупацию края резко осудил глава митрополии архимандрит Анастасий. После того как владыка Анастасий вместе с епископами Гавриилом и Дионисием отказались отложиться от Всероссийской Церкви, они были изгнаны из Бессарабии оккупационными войсками. Монахинь монастыря Речула румынские солдаты высекли розгами за участие в богослужении на русском языке, а престарелого священника села Горешты за одобрение антирумынского восстания крестьян до потери сознания истязали мокрыми веревками, и от этих истязаний священник сошел с ума. Начались этнические чистки бессарабского духовенства. Использование русского языка в богослужении было насильственно ограничено. В духовной семинарии и церковных училищах Румынский Патриархат отменил преподавание русского и церковнославянского языков, создавая ситуацию, при которой в крае не должно было оставаться священников, способных совершать службу на русском языке. Священникам было запрещено произносить проповеди на русском языке. Из храмов изымались книги на церковнославянском языке. В Измаильском уезде, где русские и другие славяне составляли около 70 % населения, командующий румынскими войсками генерал Штирбеску запретил священникам проводить богослужение в отсутствие жандармов.

В Бессарабии возникали организации протеста против политики церковной румынизации: Союз православных христиан, Александро-Невское братство, Общество Гроба Господня, Союз православных клириков Бессарабии. Наиболее активный протест начался после перехода *Румынской Церкви на григорианский календарь*. Во главе движения приверженцев старого стиля встал руководитель Союза православных христиан, адвокат из Кишинева **Александр Опря** – молдаванин, ставший инициатором создания русской общины в Бессарабии и издававший нелегальную русскую газету «Набат». Во многих церквях Бессарабии смена календаря саботировалась, службы проводились по юлианскому календарю. Синод Румынской Церкви взял курс на подавление старостильничества, священники, поддержавшие их, отстранялись от службы, многих из них вызывали на допросы в полицию. В румынских газетах сторонников русской православной традиции именовали... «коммунистами»! Летом 1935 года в ответ на попытку календарной реформы Церкви в Бельцком уезде вспыхнуло крестьянское восстание, в ходе подавления которого погибли пять крестьян.

Национальные гонения в Румынии, в том числе и в церковной среде, усилились в феврале 1938 года, после установления диктатуры короля Кароля II. Синод Румынской Церкви запретил священникам даже на исповеди (!) разговаривать с прихожанами на любом другом языке, кроме румынского, что для великороссов, малороссов и других национальных меньшинств стало равносильным отлучению от Церкви. По мнению историка **П.М. Шорникова**, политика оккупационных румынских властей в Бессарабии являлась

объективно антиправославной, поскольку вносила смуту и раскол в среду священнослужителей и мирян, подрывала моральный авторитет Церкви, вызывала церковный индифферентизм и способствовала распространению сектантства.

События повторились после обретения Молдовой независимости в 1991 году. Националистическая вакханалия коснулась и Церкви: еще летом 1989 года из Кишинева был изгнан митрополит Серапион (Фадеев). На первые роли в Молдавской Церкви вышли радикальные румынсты, такие как священник Петр Бубуруз, который стал депутатом Верховного Совета СССР, а затем совершил в центре Кишинева кощунственный «обряд венчания» другого депутата Верховного Совета СССР, поэтессы Леониды Лари, с памятником Штефану Великому. Однако значительные усилия со стороны Русской Православной Церкви позволили избежать церковного раскола. В 1992 году Московский Патриархат даровал Кишиневской митрополии статус автономной Молдавской Православной Церкви. В 2000 году митрополит Кишиневский и всей Молдавии Владимир (Кантарян) стал постоянным членом Священного Синода Русской Православной Церкви.

Румыния и Совет Европы вступают в игру

Румынские националисты не поднимали восстания против режима Чаушеску – это за них сделали венгры и евреи в трансильванском городе Тимишоара. Зато после свержения коммунистического режима зимой 1989 года румынские радикалы по оба берега Прута вновь подняли головы. Переворот в Румынии стал дополнительным катализатором для триумфа народнофронтовцев в Кишиневе во время выборов весной 1990 года. Националисты прошли в парламент Молдовы под лозунгом «великой Румынии от Карпат до Черного моря» (позднее эту идеологию назовут «унионизмом»). Председателем Верховного совета стал националист Мирча Снегур, премьер-министром – еще более радикальный националист и откровенный унионист Мирча Друк – организатор первого похода волонтеров в Гагаузию и Дубоссары в августе-сентябре 1990 года. Среди молдавского духовенства на первые роли также выдвинулись радикалы, такие как упомянутый ранее Петр Бубуруз.

А в самой Румынии флагманом имперского реванша стала Румынская Православная Церковь.

Еще с начала XX века костяк Синода Румынской Церкви составляли радикальные шовинисты, что наглядным образом проявилось в ходе оккупаций Бессарабии в 1918–1940-х и 1941–1944-х годах. Согласно 17-му канону IV Вселенского Собора, Румынский Патриархат с 1974 года не вправе претендовать на приходы на левом берегу Прута. Однако, когда в 1977 году будущий Румынский Патриарх Феоктист (Тудор Арапашу) занял кафедру архиепископа Ясского, митрополита Молдовы и Сучавы (вторую по значению после патриаршей), он открыл на территории Нямецкого монастыря спецкурсы для сотрудников митрополии, на которых им преподавалась история Молдовы в качестве неотъемлемой части истории Румынии. Возник скандал на уровне спецслужб СССР и Румынии, который быстро замяли. В 1986 году архиепископ Феоктист стал патриархом, а после падения коммунистического режима во главе всех автономных митрополий встали радикальные националисты. Румынская Церковь начала получать щедрую финансовую помощь от входящих в ее состав Французского и Венгерского епископатов. Это дало возможность Церкви занять центральное место в системе государственной власти и активно влиять на внутреннюю и внешнюю политику Румынии. Патриарх Феоктист длительное время был депутатом законодательного собрания страны.

Основной целью имперских устремлений Бухареста являются земли, потерянные в 1944 году – Бессарабия, Буковина и Транснистрия. Правительство Румынии приняло программу «Румынская Церковь», направленную на «возрождение Церкви румын вне Румынии» в границах 1940 года, и финансируемую из государственного бюджета.

После развала СССР, в декабре 1991 года, 27 депутатов парламента Республики Молдова, вместе с 33 депутатами румынского национального собрания и священнослужителями Румынской Православной Церкви, образовали «Национальный совет» с целью активизации усилий по присоединению Молдовы к Румынии.

Напряжение в самой Молдавской митрополии, подогреваемое прессой, росло месяц от месяца. 8 сентября 1992 года на съезде духовенства в Кишиневе было выражено почти единодушное желание остаться в юрисдикции Московской Патриархии. Однако уже через неделю, 14 сентября, группа недовольных иереев провела отдельную «епархиальную ассамблею» и заявила о создании отдельной «Бессарабской митрополии» и о переходе в Румынскую Церковь. Во главе новоиспеченной «митрополии» встал епископ Бельцкий, викарий Кишиневской епархии Петр (Пэдуару), получивший хиротонию всего за два года до этого, в августе 1990 года.

История Петра (Пэдуару) довольно интересна и достойна того, чтобы ее воспроизвести. Вот что рассказал епископ Тираспольский и Дубоссарский Юстиниан в интервью агентству «Интерфакс-Религия». «Петр стал кандидатом в епископы, когда срочно нужно было подготовить национальные кадры, и, видимо, никого более достойного не нашли. На тот момент он оказался на глазах. А вообще-то ни по каким параметрам, скажем так, человеческим, человек этот, конечно, не подходит. Он выпускник Одесской семинарии, больше за душой у него ничего не было на ту пору, может быть, сейчас ему какие-нибудь научные степени приписали. Прославился тем, что при епархии занимался шитьем для батюшек. Волею таких вот судеб, когда нужно было срочно во епископы молдаванина, его и продвинули. Как епископ, он показал себя человеком административно не одаренным, пошли проблемы во взаимоотношениях и с митрополитом, и с теми приходами, которыми он управлял. Насколько я знаю, он где-то почувствовал свою слабость и тогда обратился в Румынский Патриархат. В своих обидах на митрополита Кишиневского Владимира он чаще обращался с жалобами в Румынию. И когда недоразумения и его неспособность оставаться там правящим архиереем достигли предела, он обратился в Румынский Патриархат с просьбой, чтобы они взяли его на покой в один из румынских монастырей. То есть на тот момент он, видимо, понимал свою неспособность как администратора, и хотел дожить свой век в одном из благоустроенных монастырей Румынии. Ну, а несколько митрополитов, выходцев из Бессарабии, говорят: “Как так? На какой покой? Ты как раз и будешь нашим знаменем, с которым мы пойдем возрождать Румынский Патриархат в Бессарабии”».

Епископ Петр, вызываемый телеграммами, трижды не являлся на заседание Священного Синода Русской Православной Церкви. И 20 октября Синод РПЦ запретил епископа Петра (Пэдуару) и протоиерея Петра Бубуруза в священнослужении, а 22 декабря окончательно подтвердил свое решение. Несмотря на это, новоявленные раскольники продолжали совершать службы и 19 декабря 1992 года, не имея отпускных грамот от Московской Патриархии, были приняты в юрисдикцию Румынской Православной Церкви. Петр (Пэдуару), запрещенный в служении, был введен в сан «архиепископа Кишиневского, митрополита всей Бессарабии». Этот факт сам по себе является грубейшим нарушением всех

канонов со стороны Румынского Патриархата: на определенной территории может быть только один православный епископ.

Между тем, тон румынских политиков становился все более агрессивным. Президент Румынии Ион Илиеску публично назвал Молдову «искусственным образованием, созданным коммунистами и нацистами». (При этом он не уточнил – какими именно «нацистами».) Руководство Молдовы во главе с президентом Мирчей Снегуром, наученное горьким опытом приднестровской войны и оказавшееся у разбитого корыта с фактически разделенной страной, спешно дистанцировалось от унионистских идей и политиков. Это нашло свое выражение и в отношении к Церкви: 17 сентября 1993 года Государственная служба по религиозным культурам при правительстве Молдовы признала единственным носителем православного культа на территории страны Молдавскую Православную Церковь, находящуюся в юрисдикции Московского Патриархата.

Далее в разных местах Молдовы начались столкновения за приходы: в городах Фалешты и Калараш, в селах Гырбово (Окницкий район), Канья (Кантемировский район), Кугоая (Кагульский район), в Сурученском монастыре (Страшенский район). Параллельно представители «Бессарабской митрополии», Румынского Патриархата и депутаты-унионисты из обеих стран принялись атаковать с помощью исков и жалоб различные европейские и американские структуры. В 1995 году, разобравшись в ситуации, эксперт ПАСЕ лорд Финсберг в своем докладе на Парламентской ассамблее Совета Европы отметил: «Маленькой группе эклектиков нужно объединение с Румынией. Эта группа использует название “Бессарабия”, что является провокацией. Более того, эти эклектики выступают за государство Румыния, а не Молдова, за Румынского Патриарха. Их финансируют из Румынии, их поддерживает прорумынский Народный фронт». Тем не менее, Совет Европы полностью встал на сторону «Бессарабской митрополии» и потребовал у руководства Молдовы ее регистрации.

Перед своим уходом с поста президента успел нагадить и Мирча Снегур: в конце 1996 года, незадолго до инаугурации Петра Лучинского, которому он проиграл президентские выборы, Снегур все-таки зарегистрировал «Бессарабскую митрополию» в качестве религиозной организации (после прихода Воронина эта регистрация была отменена, но ненадолго). Старый прожженный партаппаратчик Петр Лучинский на своем президентском посту прославился мастерством изворотливости, интриг и закулисных комбинаций. Несмотря на его заверения в «вечной дружбе с Россией» и выставления напоказ своей русской супруги, именно Лучинский ввел в 1997 году Молдову в ГУУАМ и продолжил тихой сапой проводить политику румынизации и вытеснения русского языка из всех сфер жизни страны. Обращаясь к митрополиту Владимиру, Лучинский призывал его «не делать трагедии» из регистрации «Бессарабской митрополии»: это, по его словам, «снизит напряжение в обществе». 19 августа 1997 года Апелляционный суд Молдовы обязал правительство зарегистрировать устав «Бессарабской митрополии», а спустя неделю, несмотря на требование Синода Молдавской Православной Церкви отменить регистрацию, премьер-министр Ион Чубук встретился с прорумынскими раскольниками, беседовал с ними два часа, в результате стороны сошлись на «поиске взаимоприемлемых решений».

В 1998 году Высшая судебная палата Молдовы вновь отказала в регистрации устава «Бессарабской митрополии». Конфликт, искусственно провоцируемый из Бухареста, начал разрастаться. Румынская газета «Cotidianul» написала буквально следующее: «Война за

объединение Румынии началась с Церкви». Начались новые конфликты: вокруг церкви Николаевской церкви и вокруг Ново-Нямецкого монастыря, где националистически настроенные монахи взбунтовались против назначения епископа Юстиниана (Овчинникова) ректором Кишиневского духовного училища, расположенного в стенах монастыря, и отказались подчиняться решению Синода РПЦ. Конфликт удалось погасить только ценой уступки со стороны Патриархии – ректором семинарии был назначен архимандрит Паисий (Чекан).

Дело «Бессарабской митрополии» стало объектом рассмотрения в Европейском суде по правам человека. Выступая 2 октября 2001 года на заседании суда, министр юстиции Молдовы Ион Морей открыто обвинил заинтересованные силы в Румынии в нагнетании церковного конфликта в Молдове и привел аргументы, не позволяющие зарегистрировать раскольников (в частности, то, что эта регистрация вызовет новый межэтнический конфликт в стране). Премьер-министр Румынии Адриан Нэстасе отменил свой визит в Кишинев и потребовал отставки правительства Молдовы, а президент Ион Илиеску заявил, что «Румыния ждет официальных извинений от руководства Молдовы». Европейский суд по правам человека вынес решение, обязывающее правительство Молдовы зарегистрировать «Бессарабскую митрополию». В апреле 2002 года ПАСЕ принял документ под названием «Религия и перемены в Центральной и Восточной Европе», в котором потребовал от Молдовы зарегистрировать раскольников в ультимативном тоне. Аналогичные заявления делал и Госдепартамент США. 30 июля 2002 года правительство Владимира Воронина сдалось: «Бессарабская митрополия» получила официальный статус, были зарегистрированы ее герб и устав. Более того – «Бессарабская митрополия» в составе Румынского Патриархата была признана правопреемницей «Бессарабской митрополии», существовавшей в Бессарабии в период оккупаций. Раскольники и унионисты праздновали победу. Министр госбезопасности ПМР Владимир Антюфеев тогда заявил: «Берега Днестра стали дальше друг от друга, а Днестр – глубже».

Конфликт выходит за пределы Молдавии

Однако конфликт вокруг «Бессарабской митрополии» уже давно перерос границы Республики Молдова. Еще в 1995 году Румынский Патриархат даровал Петру (Пэдурару) статус «экзарха новых земель» с правом создавать приходы за пределами Молдовы. В 2003 году «Бессарабская митрополия» создала свой приход в селе Камышевка Измаильского района Одесской области (каноническая территория Украинской Православной Церкви Московского Патриархата). А в январе 2005 года «экзарх новых земель» Петр (Пэдурару) создал «Московский благочинный округ» (соответственно, и российскую столицу в Румынии считают «новыми землями»). В состав «округа» вошли: «протопресвитер» Александр Сергеев-Зарнадзе (он же Михальченков), основатель секты «тараканников» (так называемая «Российская истинно-православная церковь»), «протоиерей» Андрей Егоров, «протоиерей» Владимир Ярошевский, «иерей» Евгений Демидов. Временно в состав «округа» также включен бывший священник Московской Патриархии Андрей Берман, настоятель храма Успения Божией Матери в Чебоксарах. «Благочинным» московского округа назначен «протопресвитер» с тройной фамилией Сергеев-Зарнадзе-Михальченков, уже успевший побывать в целом ряде раскольнических группировок и сект и запрещенный, как и Пэдурару, в священнослужении Московской Патриархии.

Синод Русской Православной Церкви обратился с протестом к Румынскому Патриархату. В апреле 2005 года Румынский Патриарх Феохист заявил, что запретил «митрополиту» Петру (Пэдуару) заниматься подобными вещами, однако Михальченков по-прежнему утверждает, что является «благочинным Бессарабской митрополии». Более того, в августе 2006 года Михальченков был принят Константинопольским Патриархом Варфоломеем, который именовал его «священником Бессарабской митрополии». Несмотря на официальное утверждение, что Михальченков-Сергеев-Зарнадзе «не имеет никакого отношения к Румынскому Патриархату», в декабре прошлого года в Париже Михальченков был допущен до служения епископом Гавриилом (Константинопольский Патриархат). В ответ на протесты со стороны Московской Патриархии епископ Гавриил утверждал, что «ничего не знал» о Михальченкове. Но в это верится с трудом.

Однако Румынский Патриархат, не останавливаясь на достигнутом, продолжает свою экспансию на Украине – на этот раз уже на территории Черновицкой области (до 1940 года – территория Румынии). В 2006 году епископ Сучавский и Рэдэуцкий Пимен (Зайня) открыто заявил: «Мы не отказываемся и никогда не отказывались от того, чтобы центр нашей митрополии был в Черновцах». Румынский Патриархат намерен назначить отдельного епископа, который будет должен подчинить себе 106 румыноязычных приходов нынешней Украинской Православной Церкви. Сегодня в трех районах Черновицкой области есть благочинный – этнический румын, который оперативно решает все приходские вопросы; церковные службы там проводятся на румынском языке. Румынский Патриархат активно поставляет в эти районы церковную литературу. Переход этих приходов в юрисдикцию Румынского Патриархата активно лоббируют «румынские культурные общества» в Черновицкой области. Однако этим дело не ограничивается: заезжие «миссионеры» из Румынии активно разжигают сепаратистские настроения в области, рассказывая, какую помощь оказывает Румынская Церковь своим приходам.

А в самой Молдове деятельность «Бессарабской митрополии» за последние пять лет резко оживилась. В сентябре этого года министерство иностранных дел Румынии приняло решение платить каждому священнику «Бессарабской митрополии» по 100 долларов в месяц, что для многих сельских иереев, влачащих нищенское существование и вынужденных побираться на рынках и автовокзалах, является просто-таки спасением. Зарплата самого Петра (Пэдуару) составляет две тысячи долларов в месяц. Правительство Молдовы не сильно утруждает себя тратами на Церковь: старые храмы ремонтируются средствами самих верующих, новые строятся за счет средств Молдавской митрополии или пожертвований прихожан, в то время как в бюджете Румынии есть статья, непосредственно касающаяся нужд Церкви.

Вот что рассказывает отец Арсений из сельской церкви Тараклийского района (это район на юге Молдовы с компактным болгарским населением).

«Нашим светским властям нет никакого дела до нужд Церкви. Ни для кого не секрет, что денег на церковные нужды не выделяется вовсе, зарплаты священника не хватает элементарно на еду. О том, чтобы обновить храм и отреставрировать иконы не приходится и мечтать. Я сам живу тем, что выращиваю на собственном огороде и, слава Богу, не забывают прихожане. Вплоть до того, что помогли починить протекающую в Божьем храме крышу. При этом раз, а порой и два раза в месяц ко мне являются представители Румынской Церкви и предлагают сделать за их счет ремонт, увеличить в несколько раз зарплату, поправить иконы, однажды даже предложили предоставить хор певчих, да все, что угодно, лишь бы мой приход

перешел в их юрисдикцию. Я очень хорошо знаю, что такие предложения поступают священникам всех приходов, знаю, что все больше и больше приходов отходит от Русской Православной Церкви (наверно, румынские власти, в отличие от наших, не скупятся на деньги), но я не могу понять тех священников, которые продаются за эти деньги, и, не побоюсь сказать, продают свою веру. Я очень советовал бы им перечитать Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Есть там такие слова: «Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф. 26: 24)».

Между тем, если верить молдавскому агентству «ИНФОТАГ», президент Владимир Воронин вынашивает идею выхода Молдавской Православной Церкви из подчинения Московскому Патриархату. Согласно комментарию агентства, такая идея пришла Воронину в ходе его визита в Грецию и посещения горы Афон. Впервые молдавский президент-коммунист посетил Святую гору в мае 2004 года, а в последний раз он побывал в Греции и встретился с президентом Костасом Караманлисом в июне этого года. Естественно, шансов на признание поместного Молдавского Патриархата не будет, и поэтому агентство «ИНФОТАГ» выдвигает инициативу: между Московским и Румынским Патриархатами будет достигнут компромисс, в результате которого все приходы на территории Молдовы будут объединены под омофором Константинопольского Патриарха.

Здесь следует дать некоторое разъяснение относительно того, что собой представляет Константинопольский Патриархат. Наравне с Румынской Церковью, это еще одна радикально-экуменическая структура, крайне враждебно настроенная по отношению к Русской Православной Церкви. Экуменическая деятельность Фанара (греческого квартала в Стамбуле, где находится резиденция Константинопольского Патриарха) началась еще в 1920 году с заявления местоблюстителя престола митрополита Дорофея «К Христовым Церквям всего мира». Константинопольский Патриарх Мелетий IV отметил признанием действительности Англиканской Церкви, а затем – инициированием «Всеправославного совещания» 1923 года, на котором были приняты принципиальные обновленческие решения, в частности, переход на грегорианский календарь, в результате чего Православные Церкви были на долгие годы расколота на «старостильников» и «новостильников».

Константинопольские патриархи открыто вмешивались во внутренние дела Русской Церкви, открыто поддерживая российских «обновленцев», призывая Патриарха Тихона покинуть свой пост и вообще упразднить Патриаршество в России. Кроме того, Константинопольский Патриархат проводил открытую экспансию на канонической территории РПЦ и подчинил себе значительную часть ее приходов в Западной Европе и Прибалтике. После развала СССР Константинопольский Патриархат предпринял очередную экспансию в канонические пределы Русской Православной Церкви, открыто поддерживая раскольников на Украине и в Эстонии, и добившись раскола Эстонской Православной Церкви. Константинополь принял в свою юрисдикцию «Украинскую автономную церковь в США», заявив, что «признает юрисдикцию Московского Патриарха только в границах 1591 года».

Вместе с тем, Константинопольский Патриархат поддерживает самые теплые связи с Ватиканом и Вашингтоном: в 1964 году состоялась встреча Константинопольского Патриарха Афинагора I с Римским папой Павлом VI, на которой главы Церквей договорились о снятии взаимных анафем 1054 года (исключительно политико-экуменическое решение, не решающее вопросов догматики). Ватикан использует Фанар в качестве эффективного инструмента для прозелитического вмешательства в дела поместных Православных Церквей. Что касается Вашингтона, то он оказывает Фанару всестороннюю

помощь и поддержку: в 1998 году в США принят закон, обязывающий всегда выступать в поддержку Константинопольского Патриарха. В ответ Фанар всегда выступает в качестве активного проводника «свободы и демократии» в православные страны, в частности, агрессии НАТО против Югославии. Патриарх Варфоломей активно выступает за максимальное отделение Украины и Грузии от России – он всецело поддержал «цветные революции» в этих странах. Поэтому не стоит сомневаться в том, что инициатива выставить Константинополь в качестве «посредника» между Москвой и Бухарестом будет, в первую очередь, открыто лоббироваться со стороны США. Президент Молдовы, священноначалие и верующие будут поставлены перед выбором: или выход из московской юрисдикции, или усугубление раскола. Впрочем, епископ Юстиниан неоднократно заявлял, что Тираспольско-Дубоссарская епархия в любом случае останется в составе Русской Православной Церкви.

Церковный раскол в Молдове, как и на Украине, в Сербии-Черногории и других точках православной ойкумены – это части ведущейся в течение нескольких веков «большой игры» западного мира против славяно-православной цивилизации. Збигнев Бжезинский – далеко не единственный американский стратег, заявлявший, что «после краха СССР главным врагом США становится Русская Православная Церковь». Однако в то время как в странах Запада и в «санитарном кордоне» антирусские религиозные инициативы возведены в статус национальных проектов, в то время как власти Киева ведут целенаправленную работу по отрыву Украинской Православной Церкви от Москвы, в то время как Румыния вкладывает огромные деньги в аналогичный откол Молдавской Церкви, в то время как США открыто лоббируют деятельность сектантов на постсоветском пространстве, а Саудовская Аравия превращает в зону своего влияния весь Кавказ и Поволжье, в самой Москве властные круги никак не могут осознать важность религиозного фактора для суверенитета страны и восстановления единства нации. Только объявив Православие пятым национальным проектом, у России есть шанс одержать победу в этой цивилизационной войне.

[Владимир Букарский](#)

политолог, старший эксперт приднестровского филиала Совета по национальной стратегии России

[19 ноября 2007 года](#)